

Эмилио Бетти

Историческая интерпретация

Историческая интерпретация и ее аспекты.

**Непосредственный предмет исторической интерпретации:
репрезентативные формы, донесенные до нас традицией
или сохраненные памятью (личной или исторической)**

Нередко приходится сталкиваться с заблуждением, источник которого кроется в соблазне понимать буквально то, что на самом деле есть не более чем метафора: мы склонны верить, будто задача исторического метода и ожидаемый результат его применения заключаются в восстановлении фактов прошлого и воссоздании самого этого прошлого именно таким, каким оно якобы и было, и будто бы мы способны этого достигнуть, мысленно проецируя свой взгляд на перспективу этого прошлого и историческую обстановку того времени, о котором идет речь. Такая точка зрения столь же абсурдна, как если бы кто-то стал требовать от историка, чтобы он рассматривал «объективные факты» прошлого, которые на самом деле безвозвратно ушли, или ждать от него воссоздания картины, которая в точности отображала бы ту или иную прошедшую эпоху. На самом же деле то, что представляет для нас интерес в прошлом, мы не можем искать в самом прошлом: прошлого уже нет как актуальной данности, и нигде, ни в каком месте, мы не сможем поймать его именно в том виде, каким оно когда-то было. Мы должны искать прошлое там, где от него еще что-то сохранилось в настоящем, в том, что выжило в какой бы то ни было форме¹ и в качестве формы доступно нашему нынешнему восприятию и опыту. Картина, рисующая прошлое, не может быть ничем иным, кроме как игрой фантазии, поскольку того, что могло бы быть изображено и воплощено в этой картине, более уже не существует: оно присутствует только в нашем представлении.

Поэтому единственное, в чем может состоять задача историографии, – это в стремлении к пониманию того, что говорят сохраненные и переданные традицией мемуары и хроники, развалины и памятники, доставшиеся нам от прошлого: услышать голос, говорящий в воспоминаниях и хрониках, – чтобы тот, кто слушает, понимал того, кто говорит. Это означает, что историк должен изучать материалы, которые еще остались от прошлого, должен стремиться узнать из них, что хотели сказать и выразить те, кто их создавал и воплощал, что двигало душами тех, кто в таком виде запечатлел их в их бытии, придал им эту форму; понимание, полученное таким образом, он должен проецировать на прошлое во всей его целостности. Из отдельных проявлений и объективаций, которые предлагают нам исторические материалы, несмотря на отрывочность этих последних, мы должны стремиться реконструировать духовный мир (ментальность и мораль) их создателей; и в тех случаях, когда произведение совместным действием создавали несколько, а то и неопределенное множество авторов, мы должны направить усилия на то, чтобы воссоздать общий творческий импульс, дух семьи, дух нации или эпохи, частью и выражением которой они были. Мы должны, в конечном счете, подняться от частных сведений об этих людях к *общей* перспективе их существования, которую материалы, доступные нам, искажают и разбивают, и двигаться вперед по пути последовательных дополнений, пока мы не распознаем то место, которое надлежит определить для означенной перспективы в сложном процессе смены прошедших эпох человеческого рода, в этом бесконечном «прибавлении к себе», которое стремится, пусть бессознательно, к воссоединению с современной действительностью и с нами самими. В общем, речь идет не о том, чтобы судить о прошедших эпохах в их объективности, пытаясь восстановить действительную картину того, какими они были тогда, – что было бы абсурдом, – но о том, чтобы расширять, объединять и корректировать наше скудное, фрагментарное и неясное представление об этих эпохах, развивать и совершенствовать интерпретацию как понимание (способность к истолкованию) в соответствии с постоянно обновляемыми точками зрения. Речь идет не о начертании облика прошлого или образов того, чего уже нет, – это скорее задача поэтов и романистов, – а о расширении космоса наших знаний за счет обоснованного выявления той пре-

емственности, которая властвует над развитием человечества и в которой нам, живущим, надлежит, когда наступает наш черед, собирать наследие прошлого, постигать его в глубинной связности и совершенствовать его понимание ради дальнейшего роста².

Сторонники расхожего представления об «объективных фактах», которые якобы выводятся из так называемых первичных источников, или подлинников, не принимают во внимание того, что такие факты, как сражение, революция или социальный крах – это факты коллективные: они состоят из множества отдельных актов, синтезированных в одно представление на основании общего для них признака; они, следовательно, являются плодом оценки, по сравнению с которой отдельные составляющие их акты имеют даже меньшее значение, чем клетки в теории органической жизни. Дело в том, что эти отдельные акты полностью не исчерпываются целеполаганием их участников: совершаясь через него и благодаря ему, они, тем не менее, заключают в себе значительно более сложную сущность. Источник и направление этих актов связаны с совсем иными моментами, которые определяют и роль самого означенного целеполагания в качестве части и инструмента целого, имеющего существенно бóльшую важность. Сохранившийся материал, даже будучи подвергнут первичному критическому отбору, позволяющему установить его связь с духовностью, знание о которой он нам дает, представляет собой лишь грудку развалин и обломков старого здания, пока его должным образом не упорядочат. Но для наведения порядка важно попытаться не поднять упавшее здание, а воспроизвести его план, конструкцию, стиль, восстановить в основных функциях его сочленения и изломы, а, следовательно, также и пустоты в нем³.

С изложенным методологическим подходом историографии полностью согласуется общегносеологическая точка зрения, сформулированная А.Баратоно⁴: «Опыт отправляется от чистой формы чувственности, т. е. существования, чтобы достичь чистой умопостигаемой формы – ценности, и таким образом переходит от одной частной инстанции к другой, причем каждая из этих последних имеет для нас значение не как форма, но в силу своего духовного содержания, которое, таким образом, служит (в познавательном плане) репрезентации предметов, т. е. прошлого, и целей, т. е. будущего: иными словами, существований, которых уже нет или еще

нет». Дух прошлого вступает в разговор с духом современности, призванным понять его, только при посредстве следов и чувственных форм, в которых он оставил свой отпечаток и которым было дано пережить его, только голосом воспоминаний, сохранивших о нем память⁵.

**Критерии исторической интерпретации в герменевтике:
их различение в зависимости от объекта.
Источники и исторический вопрос**

Исторический материал, являющийся источником в историческом познании («источником» в широком смысле), обычно подразделяется на две категории:

а) материальные свидетельства прошлого, сохранившиеся следы, археологические находки, реликты, рудименты и отпечатки изучаемой эпохи (*Überreste, survivals*), б) репрезентативные – смылосодержащие – источники («источники» в узком смысле) передающиеся через традицию (письменную, устную, изобразительную). Имеется два критерия для классификации исторического материала: во-первых, следует определить, несет ли в себе этот материал репрезентативную функцию, т. е. представляет ли он событие, которое нас интересует; и, во-вторых, является ли этот материал фрагментом, сохранившимся от прошлой жизни⁶. Первый критерий, определяющий, предназначен ли материал для репрезентации, – это тот же самый критерий, который в деловой сфере и в юридических актах выступает как мера различия между декларациями и поступками, или, к примеру, если говорить о доказательствах, – между доказательствами репрезентативными, или историческими, и доказательствами косвенными, основанными на подозрениях, или критическими. Второй критерий, который исходит из индивидуальной целостности прошедшей эпохи, для ее мысленного воссоздания обращается к соотношению между целым и частью и к смыслу последней как к показателю познания целого.

Соответствие одному критерию не обязательно исключает соответствие также и другому: критерии пересекаются, и хотя преобладание одного из них в большинстве случаев приводит к тому, что

другой не учитывается, все же существует область, в которой оба они находят одновременное применение. Так, имеется определенная категория исторического материала, охватывающая памятники и документы в широком смысле (включая надписи, монеты, медали, гербы), которые, поскольку принадлежат одной эпохе, могут без сомнения характеризоваться как материальные свидетельства прошлого, но вместе с тем изначально призваны выполнять также репрезентативную функцию; как таковые, они принадлежат традиции и открыты для субъективных искажений, которым подвержена указанная функция. Таким образом, они будут одновременно квалифицироваться и как материальные свидетельства прошлого и как репрезентативные источники. И наоборот: историческая репрезентация событий в литературной и художественной форме отнюдь не исключает того, что произведение может быть рассмотрено объективно в аспекте своего бытования в качестве литературного и художественного продукта и, следовательно, как свидетельство эпохи, в которую оно было создано, и типа духовности, который в ней запечатлелся. Значение второго аспекта возрастает в обратной пропорции к репрезентативной ценности произведения, взятого как внятное нам свидетельство. Примером этому может служить то, как политические события подаются газетами, выражающими не индивидуальное мнение, а кристаллизованную, заранее предопределенную позицию, отступить от которой им не позволяет партийная дисциплина. То же можно сказать о такой форме изложения далеких событий, как саги и легенды⁷. Они ценны для нас тем, что в них фиксируются определенные представления народа или социальной группы и их изменения в зависимости от смены поколений, фаз истории, способов представления прошлого, впечатлений, ими оставленных, а также этических, религиозных и политических оценок.

Само отнесение материала к разряду источников исторического (т. е. эвристического) познания уже предполагает определенное направление исследования; эта операция, по сути, является производной от той или иной конкретной постановки *исторического вопроса*; следовательно, здесь уже можно вести речь о работе интерпретатора⁸. Неотъемлемой частью этой работы, однако, без сомнения будет опять-таки и оценка источников, и причисление их к той или к иной категории, ибо процесс оценки подразумевает

применение различных критериев интерпретации в зависимости от качества источника. В этом и состоит заслуга историков и *археологов*, которые, в отличие от филологов, ограничивших себя интерпретацией письменных текстов, указали на необходимость интерпретировать источники в соответствии с конкретными, специфичными для них критериями⁹. Эти последние основываются в первую очередь на выведении заключений посредством *непрямых доказательств* (построенных на сочетании с другими данными или на аналогии), исходя из внешней формы и того, в каком виде до нас дошли свидетельства прошлого, извлекая из них прочие факты, которые были их причиной и с которыми они все еще сохраняют связь¹⁰. Принципы такого непрямого рассуждения были систематизированы разнообразными дисциплинами, которые под данным углом зрения могут рассматриваться как вспомогательные по отношению к историографии: так, сравнительное языкознание делает возможным использовать язык для познания первичных фактов; антропология создает возможность выводить заключения из следов, оставленных первобытными людьми; этнография и фольклористика, анализируя привычки, обычаи, социальные структуры и символы, обнаруживают пережитки прежнего состояния этих институтов. На более высоком историко-культурном уровне¹¹ *археология* усматривает в символических знаках и представлениях указание на религиозные и мифологические представления; социология делает выводы, изучая следы культурного распространения: места поселений и возделывания полей¹². В этих дисциплинах историческая интерпретация, обращаясь к изучению конструктивных решений проблем существования, определяется и выражается в соответствующих этим дисциплинам формах технической интерпретации в ее приложении к истории.

**Критерии исторической интерпретации
репрезентативных источников, донесенных
до нас письменной традицией или сохранных в памяти**

Особенность интерпретации репрезентативных источников, донесенных до нас, в первую очередь, через письменную традицию, рождается из того факта, что речь как таковая, а также ее

письменная редакция не представляют собой адекватного и точного выражения мыслей и идей, кристаллизованных раз и навсегда, подобно древним окаменелостям или насекомым в янтаре. Расхождения между идеей и ее формулировкой возникают не только при передаче собственной мысли кому-то другому и не только при коммуникации с другими людьми. Такие противоречия могут быть невольными и бессознательными, но бывают также осознанными и намеренными в зависимости от трактуемой темы и формы коммуникации, интереса и точки зрения автора. Ментальная форма, способ мышления, понимания, реагирования на конкретные обстоятельства, язык, – все, что служит выражению конкретной мысли, – варьирует (хотя и в рамках основополагающего единства структуры духа) от индивидуума к индивидууму, от народа к народу, от одной социальной группы к другой в зависимости от смены времен, поколений, фаз цивилизации и духовных течений, в них доминирующих. Из такого разнообразия в языке, в способах выражения, из различий между индивидами, народами, социальными группами, поколениями, эпохами и фазами цивилизации, главным образом, проистекает проблема интерпретации репрезентативных источников. Первейшая задача последней состоит в распознавании – с учетом всего многообразия обстоятельств – тех мыслей и идей, которые в этих источниках выражены применительно к фактам и исторической эпохе, являющейся предметом освещения¹³.

Описанная процедура и есть то, что придает интерпретации источников характер исторической и выявляет ее отличительные черты сообразно направленности ее интересов, тем самым обозначая ее отличие от общей филологической интерпретации.

Чтобы в полной мере уяснить гносеологический смысл поставленной здесь проблемы, необходимо отбросить вульгарное и наивное представление о познании как пассивном отражении реальности и признать коперниканский переворот, совершенный Кантом в теории познания. Если мы вслед за тем представим познавательную функцию мышления и языка в истинном ее свете, нам нетрудно будет понять, почему наиболее надежный путь и наиболее точный способ, позволяющий собирать и улавливать факты внешнего мира, предоставляют нам слова и мысли, получающие в слове выражение и развитие. Как уже было сказано выше, мы располагаем фактами, то есть мы способны по своему усмотрению

облечь их в точную и ясную форму, только в той мере, в какой нам удастся перевести их на язык наших представлений и мыслей, наших суждений и понятий, в подвижный и гибкий инструментарий нашего понимания, воображения и диалектического мышления. Итак, вот те *два параллельных пути*, на которых только и могут сосуществовать и составлять пару, с одной стороны, совершающиеся факты, становление мира вокруг нас, а с другой стороны, параллельно первому, то, как эти факты преобразуются в наши мысли и идеи. Только в той мере, в какой продвигается и распространяется перевод фактов в мысли, мы можем говорить об охвате самих этих фактов и об овладении ими: факты предстают перед нашим сознанием (горизонт которого ограничен), становятся случившимися для нас, существуют во встрече с нами.

Это, однако, не означает, что при подобном «переводе» сами факты остаются такими же, какими они видятся на первый взгляд, находясь в беспорядочном и рассеянном состоянии по отношению друг к другу. Они не могут оставаться неизменными с того самого момента, когда в акте их познания и репрезентации – будь то факты, относящиеся к настоящему, современные нам, или факты прошедшие, которые мы воскрешаем в сохранившей их памяти – мы заключаем их в рамки и упорядочиваем их в последовательности и в генетические связи, охватывающие обстоятельства, условия и вызываемые ими реакции. Эти связи не присущи изначально самим фактам, если рассматривать их абстрактно в их голой объективности: они устанавливаются и принимаются в нашем способе познания и понимания благодаря энергии синтеза, апперцепции и реконструкции, которая позволяет нам идентифицировать их и овладеть ими¹⁴.

Следовательно, все репрезентативные источники, хорошие они или плохие, предстают перед исследователем исключительно в виде представлений о фактах, в какой бы связи – непосредственной или опосредованной – такие представления ни находились с самими фактами: рождается ли представление непосредственно в присутствии фактов в уме того, кто их наблюдает (и в таком случае представление, неизбежно ограниченное в этом своем качестве из-за своей мимолетности, имеет также характер исторического свидетельства), или же оно возникает в результате сплавления различных иных, непосредственных и относящихся к одному време-

ни представлений – передает ли оно устную традицию того или иного предшествующего поколения или же формируется на некотором отдалении от фактов посредством сравнительной оценки предыдущих письменных источников в уме историка, живущего позднее. Какой бы ни была связь с фактами – опосредованной или непосредственной, – речь всегда идет о представлениях об этих фактах в мысли субъекта. Непосредственность связи с фактами, дополнительно придающая источнику характер исторического свидетельства, может быть оценена как показатель *достоверности* только в ходе критической работы¹⁵. Стоит нам осознать неизбежность субъективного характера любого возможного источника, и мы будем в состоянии уберечься от *petitio principii*, ошибки, содержащейся в некоторых расхожих постулатах позитивистской историографии, – например, в утверждении о необходимости заниматься «объективными фактами» (требование объективности в нашем случае имеет совсем другое значение) или в положении о самонаблюдении и прямом соприкосновении с фактами или со свидетельствами о них; в равной мере это относится и к некоторым предрассудкам: например, когда в источниках ищут и надеются найти больше, чем они могут предложить. Ограничить себя только тем, что засвидетельствовано источниками, и надеяться, что задача историографии исчерпывается переложением их содержания, пребывая в вере, что истинная история только в этом и состоит, крайне наивно. Тот, кто так думает, забывает, что все, чем овладевает наш ум, становится частью внутренне согласованного, целостного мира приобретенных нами знаний и представлений, превращаясь путем ассимиляции в его живую составную часть, вместе с ним испытывающую все изменения, которым подвержен он¹⁶.

Критика достоверности и интерпретация исторических источников с учетом индивидуальности автора

Принимая во внимание круг взаимозависимости, в котором неразрывно связаны между собой филологический момент и момент критический, не приходится удивляться упомянутому влиянию личности автора на историческую репрезентацию; а так как

это влияние является решающим для *достоверности* последней, оно должно постоянно учитываться при ее интерпретации. Действительно, благодаря знакомству с личностью создателя произведения, мы в состоянии решить задачу интерпретации, состоящую в том, чтобы переместиться в мыслительный строй автора¹⁷. Что же касается достоверности источников, то по этому признаку их принято разделять на первичные источники, отражающие непосредственные наблюдения и личные оценки кого-либо из современников излагаемых событий (имеются в виду те из событий, к которым непосредственно обращено историческое исследование и историческое познание, но не какие-либо иные, на основании которых можно было бы делать выводы о тех, что составляют предмет непосредственного интереса данного исследования), и на источники производные, передающие либо так или иначе использующие наблюдения и оценки третьего лица, к показаниям которого обращаются за информацией и которому доверяют как гаранту. В случае с первичным источником достоверность надлежит оценивать в отношении личности автора; имея дело с источником производным, – в первую очередь в отношении личности гаранта¹⁸. Необходимо удостовериться, действительно ли человек, о котором идет речь, был *в состоянии* знать и передать правду, а также имел ли он *намерение* излагать ее в меру своего знания и сознания. Следует оценить его способность наблюдать факты и осмысливать их, имея в виду степень его подготовленности к их пониманию и уровень его компетентности, учитывая обстоятельства, в которых он находится по отношению к этим фактам, равно как и его социальное положение; кроме того, следует оценить его моральные качества на предмет вероятности правдивой репрезентации, его пристрастия, склонности и политические симпатии, его вдохновляющие. Придется учитывать также тему и форму изложения, а также и то обстоятельство, что в нем воспроизводятся чужие отношения – речь, следовательно, должна идти об оценке особенностей кругозора и мыслительных способностей другого человека¹⁹. Все остальные критерии интерпретации – на основании языка и литературной формы, в которой представлен исследуемый исторический источник, с учетом обстоятельств, времени и места его происхождения – все эти критерии, одни собственно филологические, другие – исторические по области своего применения,

логически сливаются в типе интерпретации, ориентированном на личность автора. Это не должно нас удивлять, так как в его личности соединяются влияния обстоятельств времени и места, составляющих духовный климат (так называемую историческую среду): таким образом, личность автора невозможно до конца понять, не понимая в то же время целиком эпоху и культурную обстановку, в которой он жил²⁰. Здесь открывается еще один круг взаимосвязи, о которой говорилось выше: взаимосвязи между психологическим и техническим моментами интерпретации. Тут мы снова должны затронуть вопрос о конгениальности понимания, то есть о способности историка воссоздать в себе особенности другой личности: способности, требующей, с одной стороны, воображения, которое непосредственно привязано к данным исторической традиции, а с другой, мыслительной непосредственности, которая состоит в умении охватить эти данные как проявление единой духовности. И так же, как нуждается в понимании индивидуальный язык со всем его своеобразием в противопоставлении его обыденной речи, так же требует понимания и личный авторский стиль в противопоставлении его стилю, характерному для избранного автором литературного жанра в целом, как он включен в конкретную историческую эпоху²¹. Но особенно важными как для внутренней критики источника, так и для его интерпретации представляются индивидуальные воззрения автора в сравнении с общим видением и социальными воззрениями его времени. Хотя и очевидно, что между теми и другими невозможно провести четкое разграничение, принимая во внимание, что единичный субъект всеми своими фибрами привязан к общим взглядам своего времени, народа, сословия, профессии²², – тем не менее, важно рассмотреть отдельно особые способы, с помощью которых автор перерабатывает и располагает в своем произведении элементы, влияние которых он испытал. Отпечаток личности автора в его воззрениях, равно как и в языке и стиле, ощущается тем интенсивнее, чем разнообразнее его кругозор и чем выше уровень развития окружающей его культуры²³.

В случае наличия одновременно нескольких конкурирующих источников, то есть источников, потенциально важных для познания одних и тех же событий, большое значение, наряду с прочими критериями герменевтики, приобретает сравнительный метод, применяемый либо для взаимного критического контроля одного

источника посредством другого (так что их словно заставляют спорить друг с другом), либо для взаимной интерпретации каждого из них при помощи остальных. Можно говорить о сопоставлении однотипных источников, анализ которых позволяет сделать заключение об их родстве, то есть о взаимной связи двух источников и их зависимости друг от друга или от некоторого третьего источника; такие сравнения возможны, когда оба источника относятся к числу репрезентативных, либо когда оба они – артефакты прошлого, либо, наконец, когда один из них – репрезентативный источник, а другой – артефакт прошлого. Можно говорить о соединении нескольких источников, которые проливают свет на взаимосвязанные события, воспроизводя их порядок в цепи исторического развития; можно, наконец, черпать аргументы из аналогии событий, основываясь на тождестве ментального устройства человечества²⁴. Здесь, однако, следует остерегаться опасности впасть в одну из ошибок, проистекающих из Бэконовых идиом.

**Интерпретация поступков, сыгравших историческую
роль в жизни отдельного человека или общества
в целом. Принципы герменевтики. Постановка
исторического вопроса**

В интерпретации источников, будь то репрезентативные источники, донесенные до нас традицией (постольку, поскольку они выражают мысли и представления об исторических событиях), или материальные свидетельства прошлого, архаизмы и иные следы изучаемой эпохи, – во всех этих случаях первоочередное применение (учитывая постоянное присутствие в процессе интерпретации критико-филологического и технико-психологического аспектов) находят методологические критерии филологической интерпретации, а именно, как было сказано выше, грамматические критерии в широком смысле слова и критерии психологические. Возьмем, к примеру, интерпретацию источников в соответствии с критерием индивидуальности автора: в данном случае, принимая во внимание круг взаимозависимости, неразрывно связывающий филологический и критический аспекты интерпретации, неудивительно, что влияние личности автора на историческую репрезентацию,

которому принадлежит решающая роль в процессе критики достоверности этой репрезентации, должно также учитываться и при выполнении задач герменевтики, требующей перемещения исследователя в духовный мир автора²⁵. Филологическая интерпретация работает здесь как подготовительный инструмент, ретроспективно нацеленный на историчность мировоззрения автора, от которого отталкиваются и которым обусловлены исследуемые понятия и представления²⁶.

Но наибольшее значение в герменевтической теории имеют критерии, которые, в силу своей типичности для исторической интерпретации, применяются при интерпретации *поступков*, имеющих историческую значимость для жизни отдельного человека или для общественных организмов. При истолковании подобных поступков (заметим, что среди них могут быть также и программные заявления, историческая значимость которых состоит в представляемой ими симптоматической ценности, коль скоро они сопровождаются поведением, оправдывающим декларацию, — например, когда речь идет о политических заявлениях) задача интерпретатора заключается в том, чтобы восстановить их последовательность, историческую обстановку, а также детерминанты как психологического, так и более высокого — ценностного — порядка (относящиеся к сфере этических и культурных ценностей). Можно, таким образом, выделить две пары критериев, внутри каждой из которых один из критериев будет дополняться другим; эти критерии в их согласованной взаимосвязанности были в существенных чертах предугаданы Дройзеном, который опирался здесь, как и во многих других случаях, на свою утонченную интуицию²⁷.

А. Речь идет, в первую очередь, о попытке восстановить весь процесс, то есть объективную *цепь* событий и лежащие в их основании и сопутствующие им (т. е., в известном смысле, располагающиеся под ними и вокруг них) условия, которыми определяется их историческое окружение: те самые условия, на вершине и в центре которых означенные события помещаются с точки зрения лица, восстанавливающего последовательность их развития.

а. Подобно тому как, имея перед собой частично сохранный текст, донесенный до нас письменной традицией, мы, используя логику языка, пытаемся восстановить его первоначальную целостность и структуру мысли, точно так же, располагая отрывочными

сведениями о событиях, донесенных до нас различными историческими источниками, мы, подвергнув их предварительной критике, восполняем, насколько это возможно, историческое повествование и реконструируем процесс, объективную последовательность событий, в соответствии с логикой, которая управляла их ходом. Такая логика, если учесть, что события по преимуществу имеют характер человеческих поступков, в первую очередь оказывается логикой и психологией действия. Дройзен определил интерпретацию в этом ее аспекте как «*прагматическую*». Задачу ее он видел в том, чтобы выявлять связи и последовательности событий на основании оставленных ими в источниках следов, чтобы, руководствуясь последними, восстанавливать и объединять эти связи, изучать их, соотнося с дальнейшими последствиями, в данном своем качестве нашедшими себе объяснение²⁸, и таким образом раскрывать неявные мотивы в их внутренней взаимосвязи. В этом втором своем аспекте – назовем его функциональным – критерий, о котором идет речь, принимает вид герменевтического канона целостности и может быть квалифицирован как критерий *интегративной* интерпретации.

б. Упомянутая реконструкция объективных связей и последовательностей событий должна быть дополнена еще одним критерием (или направлением интерпретации), который имеет своей целью реконструировать *условия* – те, что, так сказать, лежат в основании или в окружении этих связей (на вершине и в центре при этом оказываются подчиненные этим связям события), – с тем, чтобы найти в них стимулы и средства, способствующие развитию событий, равно как и препятствия, которые надлежит преодолеть. Чем точнее удастся воссоздать последовательность и взаимосвязь событий в соответствии с первым критерием, тем с большей очевидностью проявляется отношение зависимости и взаимопроникновения с условиями пространства и времени. Отсюда вытекает проблема, с которой приходится сталкиваться участникам исторической драмы, – проблема выбора наиболее подходящих средств для достижения конкретных целей²⁹. Согласно классификации, предложенной Дройзеном³⁰, условия, о которых идет речь, различаются следующим образом: а) условия пространства (например, географическое положение, климат и сложившиеся вследствие их воздействия экономические отношения производства и обмена);

β) условия временного движения: особое внимание здесь следует уделять противоположностям и кризисам, которыми характеризуются переходы от предшествующих исторических стадий к последующим (внешним проявлением напряженности в этих случаях служит энергия, выделяемая при реакции, в которую новые явления вступают со старыми)³¹; γ) условия, образуемые средствами: они принимают различный вид в зависимости от того, идет ли речь о материальных инструментах или же о моральных средствах (таких как господствующие мнения и предубеждения, страсти и способ чувствования, наиболее распространенные в массах).

Что касается различия в условиях, то достаточно вспомнить, что социальные и политические организмы всегда предполагают определенное развитие рефлексивности сознания и определенную организацию материальной среды, которая отчасти продуцируется естественными факторами, а отчасти создается преобразующей деятельностью человека. Здесь важно не совершить ошибки, отождествляя верхние пласты («надстройку») социальной действительности с ее нижележащими пластами, которые служат для первых материалом и основанием, — ошибки, заключающейся в неверной перспективе, характерной для материалистического предрассудка в различных его видах и оттенках³². В самом деле, если существование верхнего пласта связано с данным способом существования пласта нижележащего, это вовсе не означает, что нижний пласт диктует верхнему законы его развития, напротив, на предоставленной ему основе верхний пласт, будучи наделен автономией, поднимается и возвышается, преобразуя весь материал, который ему попадает, в новую и более высокую форму жизни. С другой стороны, нельзя также не признать, что связь верхнего пласта с нижним делает возможным их взаимодействие, тем самым предопределяя вероятность ответного воздействия и влияния второго на первый; так что изменения позиций нижнего пласта могут отразиться на пласте верхнем. Но об этом — в другом месте³³.

В. Помимо этого, речь идет о том, чтобы приспособить историческую интерпретацию к требованию *интериоризации*. Она может быть осуществлена путем реконструкции обусловивших данные события мотивов и факторов как психологического, так и более высокого, аксиологического, порядка.

С. В противоположность абстрактно-натуралистическому подходу, который подчиняет феноменальные данные концептуальным схемам, предварительно придавая им единообразную форму, историография упорядочивает данные, переводя их в живую духовную актуальность, которая и произвела их на свет. Историография действует здесь посредством *транспозиции*, позволяющей перенестись в душу, в цели и намерения авторов прошлого. Пытаясь *спроецировать* свою собственную живую духовность на ту или иную конкретную историческую среду, интерпретатор обретает способность выделить в перспективе, определяемой заданным местом и моментом времени, отдельные духовные процессы, остальные же оставить на втором плане. Это дает ему возможность мысленно воскресить другую человеческую жизнь. Однако если можно говорить о безграничных возможностях такого проецирования и воскрешения из прошлого применительно к сфере художественного творчества, которое подчиняется единственно законам связности поэтического изложения, драматического действия или канонам романа (достаточно вспомнить разнообразные виды романических сюжетов), то в отношении исторической репрезентации такая возможность, напротив, сталкивается с целым рядом ограничений. Они обусловлены упомянутыми выше и не менее многочисленными *проблемами взаимопроникновения* субъективного элемента (который включает в себя историческую личность, ее талант, ее намерения и стремления) и элемента объективного (в который входят социальные последствия его деятельности и события, с этой деятельностью связанные)³⁴. В психологическом исследовании личности нам также необходимо учитывать различие между деятельной стороной в поведении человека и тем, как на уровне сознания им формулируются идеи, подлежащие реализации в этом поведении. Причем особого внимания требуют случаи, когда неожиданно происходят изменения только в первой из этих сфер, но не происходят во второй, и вследствие этого между ними возникает противоречие. Духовные условия так называемой *исторической динамики идей* в большей мере изучаются в области психологии бессознательного, нежели в сфере сознательного мышления³⁵. Тем не менее, следует остерегаться мифологизаторского соблазна приписать идею, представляющей собой чисто теоретическую сущность, такую жизненную силу, какой она в области исторической жизни об-

ладать не может. В то же время можно быть уверенным в том, что действительно жизненные и работоспособные идеи будут искать тех, кто готов поставить им на службу свою личную энергию; такие идеи воплощаются в форму той идеологии, которая в наибольшей мере обеспечит их практическое осуществление. Здесь уже в общих чертах указывается еще один критерий герменевтики.

d. В самом деле, в качестве дополнения к психологическому направлению интерпретации выступает критерий, призванный выявить влияние культурных и нравственных сил, возвышающихся над *желаниями и личными интересами* участников исторической драмы; приобщая к себе каждого из них, они сплавивают их в великие союзы человеческой цивилизации. Эти идеальные силы могут рассматриваться либо в статическом аспекте – как идеи, понятия и учения, составляющие этический и культурный горизонт своей эпохи, либо же в динамическом аспекте – как тенденции, направления и моменты движения вперед. Но здесь обнажается еще одна – более многогранная и более высокого уровня – проблема. С одной стороны, требуется совершенствовать герменевтический анализ, распространяя его на все расширяющуюся духовную целостность, в которую вписаны исследуемое произведение или поступок, о значении которого идет речь. (Это требование, надежаемое разнообразными оттенками и акцентами в зависимости от предмета исследования и направленности интересов, разделяют сегодня ревнители и «истории духа», и «истории культуры»³⁶.) С другой стороны, следует иметь в виду необходимость углубленного изучения технического аспекта всякого данного произведения или конкретного действия. Этот аспект, на наш взгляд, находится уже в компетенции другого, третьего типа интерпретации, или просто распознающей интерпретации, которую мы в свое время условились называть технической интерпретацией в приложении к истории.

Примечания

¹ См.: *Droysen J.G. Historik. München, 1937*; здесь и далее см. издание: *Дройзен И. Историка / Пер. с нем. Г.И.Федоровой. СПб., 2004. С. С. 63–64, 70, 164, 233–234, ср.: Wach J. Das Verstehen. Tübingen, 1926–1933. III, S. 171, Anm. 2. Дройзен отмечает, что речь идет не об интерпретации так называемой*

мых исторических фактов, напр., революции 1789 года или битвы народов под Лейпцигом (1813), из которых можно было бы сделать выводы об исторической обстановке и исторических условиях, так чтобы сами факты можно было представить необходимым следствием этих последних; нет, речь идет о материалах еще наличествующих, которые надлежит исследовать, толкуя их и проясняя их смысл, то есть достигая максимально глубокого понимания того, что из них можно вынести относительно фактов, ими засвидетельствованных. Наша интерпретация состоит в том чтобы, так сказать, раскрывать и сортировать, наделаять движением и объемом те материалы, которые даны нам в полузасохшем и увядшем виде (*eingeschrumpft*). Благодаря искусству интерпретации мы можем заставить их вновь сделаться живыми (*rege*) и обрести речь (*Sprache gewinnen*).

- ² См.: Дройзен И. Указ. соч. С. 70–71. Весьма полезные размышления о «диакритическом» методе см. там же, § 31. С. 185–194; См.: Зиммель Г. Проблемы философии истории. М., 1898.
- ³ Дройзен И. Указ. соч. С. 162–165; Wach J. Das Verstehen III. S. 169.
- ⁴ Baratonio A. Il mio paradosso // *Filosofi italiani contemporanei* (a cura di M.F.Sciacca). Milano, 1947. P. 26.
- ⁵ Cfr: Ibid. P. 24–25.
- ⁶ См.: Дройзен И. Указ. соч. С. 84–145; Bernheim E. Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. 6. Ausg. Lpz., 1908. S. 255–258, 466–467, 470–471, 477–479, 503–504, 569, Albers B. Manuale di propedeutica storica. Roma, 1909. P. 62 sg., 81 sg.
- ⁷ Дройзен И. Указ. соч. С. 123–125, 190, 274 сл.; Bernheim E. Op. cit. S. 349 sg., 494–504. Jolles A. Einfache Formen. Lpz, 1930. S. 36 sgg.
- ⁸ Дройзен И. Указ. соч. § 19, С. 76–83, Bernheim E. Op. cit., S. 253 f, 503–504, 567 f.; Loebell J.W. Das reale und das ideale Element in der geschichtlichen Überlieferung und Darstellung // *Historische Zeitschrift*. Bd. I. 1859, S. 296 f, 304 f, 316.
- ⁹ См. также: Blass F. // *Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft*, herausgegeben von Iwan von Müller. S. 165; Bernardini A., Righi G. Il Concetto di filologia e di cultura classica nel pensiero moderno. Bari, 1947; Bernheim E. Op. cit., P. 569.
- ¹⁰ Bernheim E. Op.cit. S. 466 sg., 530, 570 f., 604 f., 609 f.; Curtius L. Lebenserinnerungen. Stuttgart, 1950. S. 172. Сам Людвиг Курциус обладал необыкновенно тонким и глубоким знанием человеческой души, поражая этим в повседневных беседах своих друзей; он воплощал эту свою гениальную интуицию в археологической интерпретации – всегда острой и новой (об этом говорил в своей речи, посвященной его памяти, Р.Хербиг 13 декабря 1954 г.).
- ¹¹ Martino E. de. Il mondo magico: prolegomeni a una storia del magismo. Torino, 1948. P. 185.
- ¹² Bernheim E. Op. cit. S. 571, Maroi F. Il diritto agrario romano nell'arte figurative. Roma, 1943. P. 19 sg.
- ¹³ Дройзен И. Указ. соч. § 32: С. 195–206; Bernheim E. Op. cit. S. 474, 485, 576, 584.

- ¹⁴ Дройзен И. Указ. соч. С. 117; *Lazarus M.* Über die Ideen in der Geschichte // Zeitschrift für Völkerpsychologie, III, 1865. S. 402 слл.; *Loebell J.W.* Op. cit. Bd. I. 1859. S. 134 f., 330 f.; сюда же относится высказывание Гёте в письме к Целлеру от 7 ноября 1816 г.: «alles, was auf uns wirkt, ist nur Anregung» («всё, что воздействует на нас, есть лишь побуждение»), см. «Герменевтический манифест», прим. 9 и 53 (*Zur Grundlegung einer allgemeinen Auslegungslehre* // Festschrift Rabel. Bd. II. 1954).
- ¹⁵ Дройзен И. Указ. соч. С. 117–122, 205–206, 134; *Bernheim E.* Op. cit. S. 467–471; *Albers B.* Op. cit. P. 66 sg., 79.
- ¹⁶ Дройзен И. Указ. соч. С. 233–234, 205–206, 117–122, 272–273, 390, 397–398. *Lazarus.* Über Ideen in der Geschichte // Zeitschrift für Völkerpsychologie, III. 1865. S. 403 f.; *Bernheim E.* Op. cit., 587 ff.; ср.: *Litt T.* Individuum und Gemeinschaft. 3 Ausg. S. 254 f., 191 f.; *Heussi K.* Die Krisis des Historismus. Tübingen, 1932. S. 51 f., 103; *Croce B.* Storia come pensiero e come azione. Bari, 1938. P. 265, 115; *Rothacher.* Die dogmatische Denkform und das Problem des Historismus. S. 264 ff.
- ¹⁷ Шлейермахер Ф. Герменевтика / Пер. с нем. яз. А.Л. Вольского. СПб., 2004, С. 203; *Bernheim E.* Op. cit. S. 481–486, 506–514, 589, 592–595; Дройзен И. Указ. соч. С. 234–235.
- ¹⁸ Gewährsmann (нем.; букв. «поручитель»): так у *Bernheim E.* Op. cit. S. 411, 388, 507 f.
- ¹⁹ *Bernheim E.* Op. cit. S. 411, 485–488, 507–511, 521–524; *Albers B.* Op. cit., 1909, P. 71–73.
- ²⁰ *Bernheim E.* Op. cit. S. 589, *Spranger* // Festschrift Volkelt. S. 389; *Husserl E.* Formale und traditionelle Logik. Halle, 1929. S. 177.
- ²¹ *Böckmann P.* Formengeschichte der deutschen Dichtung. Hamburg, 1949. S. 49–69.
- ²² В этом отношении заслуживает восхищения проницательное исследование, выполненное Кункелем (*Kunkel W.* Herkunft und Soziale Stellung der römischen Juristen, опубликовано как IV том в серии Forschungen zum römischen Recht. Под ред. Казера, Креллера и Кункеля. Weimar, 1952, S. 272 ff.).
- ²³ *Bernheim E.* Op. cit. S. 481–486, 506–514, 577–595, 514–521, 529–531, 629; Дройзен И. Указ. соч. С. 121–122, 234–235, 211–212; *Husserl E.* Op. cit. S. 389; Шлейермахер Ф. Указ. соч. С. 203–204.
- ²⁴ *Bernheim E.* Op. cit. S. 524–543, 599–613, 413, 600–613, ср.: 114, 192–193, 575; Дройзен И. Указ. соч. С. 147 сл., 164 сл.
- ²⁵ *Bernheim E.* Op. cit. S. 589; Дройзен И. Указ. соч. С. 195–200, 235–236; *Dilthey W.* Gesammelte Schriften. Bd. VII, S. 214 f.; см. цит. в «Герменевтическом манифесте», прим. 52.
- ²⁶ Самостоятельный специфический характер исторической интерпретации признается такими филологами, как Август Бёк (*Boeckh A.* Method. S. 111–124; cf. *Wach J.* Verstehen. I, S. 202, Anm. 1) и Фридрих Бласс (*Blass F.* Hermeneutik und Kritik. S. 165). Отличная от них концепция Кроче была опровергнута выше, § 6.
- ²⁷ Дройзен И. Указ. соч. §§ 38–44, 238–278.

- ²⁸ Там же. С. 238–247, 155: «воспринимать факты в свете того значения, которое они приобрели благодаря своим последствиям».
- ²⁹ *Weber M.* Aufsätze zur Wissenschaftslehre. S. 129 ff.; ср. *Эккерман И.* Разговоры с Гете, запись от 5 июня 1826 г.
- ³⁰ *Дройзен И.* Указ. соч. § 40, С. 247–260.
- ³¹ Там же. С. 250–251; ср. *Rothacker E.* Geschichtsphilosophie. 1933. S. 44 f.
- ³² В отношении исторического материализма показательна решительная критика, которую Дройзен направлял в адрес Г.Т.Бокля, см.: *Дройзен И.* Указ. соч. С. 526–548; см. там же. С. 364–365 (ср. *Wach J.* Op. cit., III. S. 154–155). См. также *Hartmann N.* Problem des geistigen Seins. B., 1933. S. 17 f., 258 f. (о концепции соотношения между низшими и высшими слоями см. S. 57–58.); Ср.: *Гартман Н.* Проблема духовного бытия. Исследования к обоснованию философии истории и наук о духе // Культурология. XX век. М., 1995. С. 623–626; *Martin A. von.* Soziologie der Renaissance. Stuttgart, 1932. S. 18; *Litt T.* Individuum und Gemeinschaft. 3. Ausg., 372 f.
- ³³ *Troeltsch E.* Historismus und seine Probleme // Ges. Schriften Bd. 3. Tübingen, 1922. S. 65; *Histor. Zeitschrift.* Bd 106. 1911. S. 239. Ср.: *Трёльч Э.* Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории / Пер. с нем. М.И.Левиной, С.Д.Сказкина. М., 1994. С. 288–289. О критике историцизма Кроче с точки зрения «практической философии» Маркса см. у А.Грамши: *Gramsci A.* Il materialismo storico e la filosofia de B. Croce. Torino, 1948. P. 215–231; *Грамши А.* Исторический материализм и философия Бенедетто Кроче // Тюремные тетради в трех частях. Ч. 1. М., 1991. *Frantseu I.* Decadenza della sociologia borghese // *Rassegna sovietica.* V. 1954. № 7, P. 34–44, может служить назиданием, предостерегающим от материалистического предрассудка.
- ³⁴ *Дройзен И.* Указ. соч. С. 236–238, 259–268; *Dilthey W.* Ges. Schr. V, S. 365, 330; Ср: *Croce B.* Filosofia della prattica. P. 54 sg., 65 sg. La storia come pensiero e come azione. 27 sg., 37 sg.
- ³⁵ См.: *Юнг К.Г.* Проблемы души нашего времени / Пер. с нем. А.М.Боковой. М., 2006.
- ³⁶ Внимания, однако, заслуживают направленные против тенденции дилетантского и поверхностного обращения с историей духа справедливые предостережения и оговорки, которые в защиту филологической герменевтики выдвигает Эрнст Роберт Курциус: *Curtius E.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern, 1948. S. 385–386; см. также *Kayser W.* Das sprachliche Kunstwerk. Bern, 1948, S. 228 f., 238. Противником требования каких-либо превентивных мер выступает Кроче (*Croce B.* La Poesia. 2 ed. 1937. P. 134–145).

Литература

Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / Пер. с нем. Е.В.Борисова. М., 2011.

Гартман Н. Проблема духовного бытия. Исследования к обоснованию философии истории и наук о духе // Культурология. XX век. М., 1995.

- Грамиш А.* Исторический материализм и философия Бенедетто Кроче // Тюремные тетради в трех частях. Ч. 1. М., 1991.
- Дройзен И.* Историка / Пер. с нем. Г.И.Федоровой. СПб., 2004.
- Трельч Э.* Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории / Пер. с нем. М.И.Левиной, С.Д.Сказкина. М., 1994.
- Шлейермахер Ф.* Герменевтика / Пер. с нем. А.Л.Вольского. СПб., 2004.
- Albers B.* Manuale di propedeutica storica. Roma, 1909.
- Baratono A.* Il mio paradosso // Filosofi italiani contemporanei (a cura di M.F.Sciacca). Milano, 1947.
- Betti E.* Teoria generale della interpretazione. Milano, 1955.
- Betti E.* Zur Grundlegung einer allgemeinen Auslegungslehre // Festschrift Rabel. Bd. II. Tübingen, 1954.
- Bernardini A., Righi G.* Il Concetto di filologia e di cultura classica nel pensiero moderno. Bari, 1947.
- Bernheim E.* Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. Lpz., 1908.
- Böckmann P.* Formengeschichte der deutschen Dichtung. Hamburg, 1949.
- Croce B.* Storia come pensiero e come azione. Bari, 1938.
- Curtius E.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern, 1948.
- Curtius L.* Lebenserinnerungen. Stuttgart, 1950.
- Jolles A.* Einfache Formen. Lpz., 1930.
- Kayser W.* Das sprachliche Kunstwerk. Bern, 1948.
- Kunkel W.* Herkunft und Soziale Stellung der römischen Juristen // Forschungen zum römischen Recht. IV. Weimar, 1952.
- Troeltsch E.* Der Historismus und seine Probleme // Ges. Schriften. Bd. III. Tübingen, 1922.
- Lazarus M.* Über die Ideen in der Geschichte // Zeitschrift für Völkerpsychologie. Bd. III. B., 1865.
- Loebell J.W.* Das reale und das ideale Element in der geschichtlichen Ueberlieferung und Darstellung // Historische Zeitschrift. Bd. I. München, 1859.
- Martino E. de.* Il mondo magico: prolegomeni a una storia del magismo. Torino, 1948.
- Maroi F.* Il diritto agrario romano nell'arte figurative. Roma, 1943.

Перевод с итальянского Ю.Г.Россиус